

Изуку встретился с Тодороки в небольшом местном ресторанчике соба.

Декор был приглушенным и со вкусом, столы из темного дерева, удобные кабинки, декоративные светильники, изящные рисунки океанских волн и прыгающих рыб на стенах.

Тодороки был одет в официальную одежду, рубашку с воротником и слишком маленький для него цвет хаки, который выглядел так, как будто они сидели в шкафу в течение года.

Зная заранее, Изуку соответствовал одежде Тодороки, хотя это стоило ему художественных комиссий на десять тысяч иен.

Лапша тоже была недешевой.

Креветки на гриле были теплыми, но сама лапша была охлажденной, дихотомия, которая, казалось, понравилась Тодороки.

Блюдо было покрыто хлопьями чили, которые имели приятный дымный ожог.

Саму лапшу настояли на зеленом чае, добавляя травяные нотки в каждый кусочек.

Тодороки отрывался от своей собы каждые пару укусов, очевидно, раздумывая, как это сделать, и стоит ли ему нарушить молчание между ними.

Изуку знал, что ему следует подождать, позволить Тодороки освоиться в незнакомой обстановке, почувствовать утешение в осознании того, что не нужно говорить никаких слов.

Как только он допил свою первую миску, Изуку попросил пару мисок донбури, более дешевых и сытных, чем соба.

Доведение его тела до физических пределов привело к тому, что его аппетит переполнился, как будто его тело превратилось в бушующий ад, сгорающий дотла.

Дни интенсивных физических тренировок, отчаянного стремления подготовиться к USJ уже оставили его с усталостью до костей, тяжелым чувством, что он заснет в тот момент, когда положит голову, сдерживаемую нездоровым количеством кофе.

Тодороки заказал себе еще две миски.

— Айзава-сэнсэй заставляет тебя много тренироваться?

— спросил Тодороки.

— Я должен.

Я так сильно отстаю от всех остальных».

Донбури поставлялся с ломтиками сырого лосося, маринованными водорослями и соусом унаги.

Ему не хватало пикантной специи собы, но взаимодействие между землистыми водорослями и острым сладким соусом было не менее аппетитным.

Тодороки подбирал ему укус за кусочком, и в течение десяти минут они убрали свои тарелки.

Официантка подошла со счетом в руке, и Изуку взял его.

«Я спросил, не хочешь ли ты приехать. Справедливо, что я плачу за еду».

Тодороки с обеспокоенным выражением лица наблюдал, как Изуку положил на стол хрустящие, только что снятые купюры, оставив щедрые чаевые.

«Почему ты пригласил меня сюда?»

— спросил он.

«Потому что мне так хотелось».

Лицо Тодороки исказилось.

— Это из-за Старателя?

— Вовсе нет,

— ответил Изуку.

«Я знаю, что у вас обоих одна и та же фамилия, я не был бы большим героем, не так ли, если бы я не узнал так много, но я не знал,

что у вас двоих были семейные отношения, пока вы не подняли этот вопрос только сейчас.

Огонь заставил меня задуматься».

При упоминании о пожаре Тодороки скорчил гримасу и отвел взгляд.

Изуку наклонился вперед и сказал:

«Я предполагаю, что между тобой и ним не все хорошо».

Каменное молчание было единственным ответом Тодороки.

Вместо того, чтобы пытаться подглядывать дальше, Изуку сказал:

«Я не помню своего отца. Моя мама говорит, что у него была огненная причуда, не такая сильная, как у Старателя.

Когда я была совсем маленькой, я надеялась, что получу его причуду.

Я провел много времени, размахивая руками перед свечой, пытаясь заставить огонь двигаться.

Однажды, когда было уже поздно, чтобы моя Причуда появилась, я даже сунул руку в пламя, как будто это заставило бы Причуду каким-то образом появиться.

Все, что я получил от этого, это обожженные пальцы».

Тодороки ткнул палочками в остатки хлопьев чили в миске, не встречаясь глазами с Изуку.

— Ты так и не получил свою причуду.

— Нет.

— И все же ты все равно пытаешься быть героем.

«Я не вижу, чтобы я делал что-то еще».

— Почему?

— спросил Тодороки.

«Почему ты так сильно хочешь быть героем?»

«Я хочу помогать людям».

Тодороки моргнул.

«И это все?»

— недоверчиво спросил он.

В его голос закрался гнев.

«Ты ожидаешь, что я поверю в это?

Я могу сказать, что ты доведен до предела своих физических возможностей, тренируетесь до боли в руках и ногах, никогда не можете отдышаться, настолько измучен каждую ночь, что теряешь

сознание, прежде чем раздеться.

Ты говоришь мне, что готов страдать от всего этого только потому, что хочешь помогать людям?

«Когда я был маленьким,

— сказал Изуку,

— одно из моих любимых видео было, когда Всемогущий дебютировал.

Не было ни злодея, ни кричащего сражения, ни крутых супер приёмов.

Это был просто Всемогущий, горящее здание, и более сотни мирных жителей оказались в ловушке внутри».

«Когда здание рухнуло, Всемогущий ворвался внутрь, каждый раз выбегая с дюжиной человек на плечах.

Все время, каждую секунду этого спасения, на его лице была широкая улыбка, которая говорила, что все будет хорошо».

Мидория сделал свою собственную улыбку, бледную имитацию, но такую,

которая получила видимый отклик от Тодороки.

«Я хотел быть таким».

Тодороки побледнел.

«Мой отец всю свою карьеру старался быть лучше его.

С чего ты взял, что мог бы быть кем-то вроде него без причуды?

«Не нужно быть сильным, чтобы спасать людей.

Каким бы слабым я ни был, был кто-то, кто умер бы, если бы я не спас их.

Вот почему я поехал в Юэй.

Я увидел шанс стать героем и воспользовался им».

Мидория усмехнулся и почесал волосы.

«По правде говоря, я не думал, что зайду так далеко».

— Значит, ты не пытаешься быть номером один?

«Я знаю, что никогда не смогу. Мне достаточно просто спасать людей».

Тодороки откинулся на спинку стула, все еще обдумывая все, что сказал Изуку.

Пока он отвлекался, Изуку спросил:

«А как насчет тебя? Почему ты поехал в Юэй?

— Не твое дело.

— Это потому, что тебя отправил отец?

Тишина между ними была холодной и достаточно плотной, чтобы взобраться ледорубом.

Тодороки холодно посмотрел на Изуку и спросил:

«Почему ты так думаешь?»

«Не похоже, что ты так сильно любишь своего отца.

Во-первых, ты всегда называешь его Старателем.

Тодороки поморщился.

Он смотрел на стол, никогда не встречаясь глазами с Изуку.

«Просто брось это, хорошо? Это ничего».

Как бы Изуку ни ненавидел себя за то, что форсировал этот вопрос, он знал, что должен достучаться до Тодороки.

«Ты действительно хочешь быть героем?»

— Конечно.

Я сам решил, что буду героем, но сделаю это по-своему.

Я не собираюсь использовать силу Старателя.

— Вот почему ты не используешь свой огонь?

Тодороки кивнул.

«Я стану героем номер один только со своим льдом».

— Наверное, ты сможешь,

— сказал Изуку.

«Твой лед — очень сильная и универсальная причуда, возможно, лучше, чем у Старателя.

Он уменьшает материальный ущерб, хотя вам нужно быть осторожным, чтобы не заморозить трубы, он может изменить местность, защитить мирных жителей, лечить ожоги, сажать в тюрьму

злодеев, хотя следите за переохлаждением и обморожением, и это дает тебе больше мобильности ».

— Ты действительно думаешь, что я смогу это сделать?

— Абсолютно.

Тодороки фыркнул, и на его губах появилась призрачная улыбка.

«Старатель всегда говорил, что я сдерживаю себя, растрачиваю свой потенциал, никогда не смогу победить Всемогущего, если не буду использовать обе стороны своей причуды.

Приятно слышать от кого-то, что я могу это сделать».

Изуку хотел оставить разговор там, на этой высокой ноте, с Тодороки счастливым и довольным, но он знал, что должно было произойти дальше.

— Не стоит.

Улыбка Тодороки исчезла, как снежинка, плывущая по костру.

— А почему бы и нет?

«Потому что когда-нибудь, где-то найдется кто-то, кого вы сможете спасти только своим огнем.

Кто-то замерзает насмерть, окруженный злодеями, и больше некому

его спасти, у тебя нет возможности вызвать подмогу или доставить его куда-нибудь потеплее.

Кто-то, кто умрет, если ты не воспользуешься своим огнем, чтобы

согреть их».

Глаза Тодороки впились в него.

— Ты не можешь этого знать.

«Если ты серьезно относишься к тому, чтобы стать профессиональным героем, ты должен быть к этому готов.

Когда этот день настанет, я надеюсь, что чья-то жизнь

будет значить для тебя больше, чем то, что думает о тебе твой отец».

Изуку встал, поправил рубашку и сказал:

«Я должен уйти, пока моя мама не начала беспокоиться.

Ей не нравится, когда я задерживаюсь допоздна.

Спокойной ночи, Шото-кун.

Знакомство беспокоило Изуку, который не привык дружить с кем-либо, но он верил, что это был последний набор слов, который спасет ему жизнь в Юэй.

Додзё, в котором тренировался Одзиро, которое служило его домом, было расположено между магазином рамэн и быстрым магазином.

На деревянных полах были зазубрины и вмятины, но они были отполированы до блеска, и хотя их циновки и ги видели лучшие дни, все было чистым и пахло можжевельником.

Собственные ги Одзиро были не менее изношены, чем остальные члены додзё, но его одежда была свежестыранная и искусно сложена, а зеленый пояс блестел на талии.

Жилое пространство над додзё было почти таким же тесным, как квартира Мидорий.

В глазах Изуку было вполне уютно.

Мебель была изношена с возрастом, от сидений, которые сформировались сами по себе, до людей, которые сидели в них каждую ночь в течение многих лет, до стола с тонкими углублениями, где миски и тарелки были установлены при каждом приеме пищи, до диванов, где можно было определить, кто где сидит, по размеру и форме углубления в подушках.

Старый электроннолучевой телевизор стоял на шкафу в гостиной и транслировал новости через потрескивающие динамики.

Старые фотографии висели на каждой стене, на некоторых

из них изображен Маширо, держащий новый пояс, тренирующийся в додзё, улыбающийся перед тортом в день рождения, который в младенчестве держал на руках его мать.

Другие были намного старше, цвета обесцвеченных солнечным светом, родителей, когда те выросли.

У всего этого места была своя история, которая помнила семью Одзиро из поколения в

поколение.

Отец Одзиро тепло приветствовал Изуку и сиял, когда тот проявлял интерес к боевым искусствам.

Это был пожилой мужчина, светлые волосы седеют на висках, жилистый и худощавый.

Его хвост был тонким и тонким, ему не хватало веса и силы хвоста Одзиро, но он был более ловким, способным налить чашку чая, пока он приносил сахар.

Пока они пили, Изуку поблагодарил его за чай, похвалив его глубокий травяной вкус, и пожилой мужчина ответил, что у него хороший вкус.

Все разговоры наверху были светскими разговорами о том, как проходит школа, какова его семейная жизнь, что его интересует в боевых искусствах.

Изуку задавал свои вопросы, как долго они управляют додзё, были ли какие-либо соревнования, каков был процесс получения поясов, спрашивал больше из вежливости, чем из интереса к ответам.

Как только они допили чай, Одзиро повел Изуку обратно вниз.

Он дал ему ги из корзины и позволил Изуку переодеться в ванной.

Руки Изуку выполняли движения, как будто он носил ги бесчисленное количество раз раньше, хотя это был его первый раз, когда он примерял одежду, потому что он уже знал, какие движения рук он сделает, чтобы скрепить одежду.

Одзиро казался пораженным, когда вышел.

Он выздоровел, но выражение его лица стало более настороженным.

Он рассудил, что это не то, чем Изуку мог помочь, так как он понятия не имел, что вызвало это, и его будущее показало, что это все равно произошло.

На одном из татами Одзиро провел его через несколько основных блоков и ударов.

Одзиро продемонстрирует один раз, либо Изуку попытается ударить его, либо примет удар, и

Изуку воспроизведет его движения.

Его видение будущего показало ему, как выполнять каждое движение.

Вооружившись этими знаниями, Изуку быстро выполнил упражнения.

После того, как он продемонстрировал мастерство в блокировании и атаке, Одзиро показал ему броски.

Они оба много раз ударялись о маты, проходя через каждый бросок.

«Ты быстро учишься»,

— сказал Одзиро, когда они закончили.

Он выпил две чашки воды из ближайшего фонтана и предложил Изуку одну.

«Если тебе интересно, ты мог бы попробовать получить пояс.

Ты начал как новичок, но мог бы получить мое звание в течение нескольких лет».

«Спасибо, но я бы предпочел сосредоточиться на том, чтобы стать героем».

Улыбка Одзиро дрогнула.

«Ну, разве ты не мог сделать и то, и другое?

Я имею в виду, что еще ты можешь сделать, если хочешь постоять за себя как герой?

«Я все еще намерен изучать боевые искусства, но я также должен подумать о том, с каким вспомогательным снаряжением я буду работать».

Мидория указал на свое невысокое худощавое телосложение.

«Как я, я никогда не собираюсь резать кого либо, сражаясь голыми руками».

«Ну, а что, если твое оборудование сломается, или оно закончится?»

«Тогда я бы использовал свои руки. Избегать смертельной опасности также является частью

работы героя.

Конечно, мне нужно быть готовым к чрезвычайным ситуациям, поэтому я хочу изучать боевые искусства, но вспомогательное оборудование сделает меня более эффективным героем».

Хвост Одзиро хлестнул взад и вперед, когда он подумал про себя.

«Думаю, я могу это понять, но если бы ты полностью посвятил себя боевым искусствам, в конце концов, ты был бы достаточно хорош, чтобы не нуждаться в каком-либо снаряжении.

Да, это заняло бы больше времени, но, в конце концов, с упорным трудом и практикой вы могли бы добиться чего угодно голыми руками».

— А что будет за это время?

— возразил Изуку.

«Сколько людей я не смогу спасти, потому что решил не использовать вспомогательное оборудование?»

«Мы просто студенты. Пройдут годы, прежде чем нам придется кого-то спасать.

До этого времени у тебя будет много возможностей освоить боевые искусства».

Изуку покачал головой.

«Летом проводятся рабочие исследования.

Хотя нам не будет позволено вступать в бой со злодеями, возможно, мы будем вынуждены защищать себя и других».

Одзиро дрогнул, но с видимым вдохновением сплотился.

«Во время спортивного праздника нам не разрешат использовать какое-либо оборудование.

Если ты хочешь приступить к учебе, то тебе нужно быть в состоянии постоять за себя без этого оборудования.

Ты не сможешь никого спасти во время учебы, если агентства героев никогда не заметят тебя».

«Это правда, но боевые искусства не сильно помогут в первых раундах.

Обычно это либо гонка, либо какая-то форма командной помощи.

Пока я доберусь до сетки, я получу несколько предложений».

Одзиро на мгновение задумался и пораженно вздохнул.

«Ты прав. Тем не менее, я продвинулся дальше в своих тренировках. Добавление снаряжения сейчас просто отбросило бы мой стиль боя».

Изуку притворился удивленным.

«Ты не собираешься добавлять какое-либо оборудование?

Я думал, что у меня есть хорошие идеи».

— Да,

— смущенно сказал Одзиро,

— просто они не соответствуют моему стилю героя.

«Почему бы и нет? Я думал, что выбрал оружие, которое казалось мне подходящим для эстетики мастера боевых искусств».

«Ну, я вроде как хочу быть героем, который не должен зависеть от снаряжения.

Так много героев в наши дни сражаются так же хорошо, как и они, только из-за своего снаряжения, такого как охлаждающий костюм Старателя, но есть один герой, который потрясающий, без какого-либо вспомогательного снаряжения».

«Всемогущий».

— Именно так.

- сказал Изуку.

"Он заставил меня поверить, что я могу стать удивительным героем, просто используя боевые искусства моей семьи".

Оджиро в шоке уставился на набросанные изображения Всемогущего в модифицированных перчатках и ботинках. "Я понятия не имел".

"Это было давно. Мне пришлось много копаться, чтобы найти хорошие изображения для этих набросков".

Глубоко вздохнув, Оджиро выпрямился и сказал: "Что ж, тогда я буду первым. Я покажу всем, что тебе не нужно снаряжение, чтобы быть героем".

"Честно говоря, ты, вероятно, мог бы. Это было бы трудно, но ты смог бы это сделать, и ты даже завоевал бы популярность в некоторых кругах за то, что сдержал это обещание".

"Ты действительно так думаешь?"

- Ты мог бы,

- сказал Изуку, готовясь к очередному набору разбитых мечтаний,

- Но я не думаю, что тебе следует.

Лицо Оджиро стало пустым.

"Почему нет?"

"Потому что однажды найдется кто-то, кого ваши боевые искусства не смогут спасти, независимо от того, сколько вы практикуетесь.

Злодей будет слишком далеко, вне вашей досягаемости, и кто-то умрет из-за этого.

Конечно, ты все равно был бы героем, но ты бы задался вопросом, что произошло бы, если бы у тебя были инструменты, чтобы спасти этого человека".

Разочарование медленно проступило на лице Оджиро, хотя он изо всех сил старался сдержать его.

После неловкого молчания Изуку снял ги, вернул его Оджиро и сказал, что ему нужно идти домой.

Как только Изуку ушел, старший Оджиро с чашкой чая в руке сказал младшему:

"Дорожи другом, который дает тебе советы, которые, как они знают, ты не хочешь слышать.

Это те, кто действительно заботится о тебе".

Ашидо повел Изуку в шумный, яркий магазин моти.

Яркая мебель, поп-музыка, звучащая из динамиков, ярко-розовая униформа улыбающихся сотрудников поразили Изуку, когда они встали в очередь.

Из-за огромного количества покупателей потребовалось почти десять минут, чтобы протиснуться через очередь и получить свой моти, прежде чем подошла их очередь.

Ашидо выбрал клубничный вкус, а Изуку выбрал мятный, уже зная, каким он будет на вкус.

Стоя в очереди, с симпатичной девушкой, прислонившейся к его плечу, Изуку чувствовал странную комбинацию неловкости и возбуждения.

Даже зная все, что произойдет, казалось странно нереальным, что он, безынициативный, никчемный Деку, был на свидании с девушкой.

Это ненадолго, но, по крайней мере, он мог сказать, что ходил на свидание перед смертью.

Ашидо выглядел как дома в этой яркой атмосфере, в черной майке и шортах, которые открывали ноги настолько, что Изуку становилось не по себе каждый раз, когда он опускал взгляд.

Изуку выбрал простую рубашку с длинным рукавом и джинсы, повседневную, но немного более тесную, чем все, что подошло бы для этого места.

Их место было в центре суматохи, мимо них проходили люди, и праздные разговоры заглушались музыкой на заднем плане.

Ашидо принялся за дело, откусив большой кусок розового рисового пирога и энергично пережевывая его.

Изуку ел свое зеленое угощение более неторопливо.

"Разве это не лучшее блюдо, Изу-кун?"

Спросил Ашидо между укусами.

Изуку пришлось говорить громче обычного, чтобы его услышали.

"Это действительно вкусно.

Спасибо, что пригласили меня сюда, Ашидо-сан".

Ашидо помахал пальцем перед лицом Изуку.

"Нет! У нас свидание, так что ты должен называть меня Мина-тян".

- Конечно, Мина-тян.

- Изуку не мог вспомнить, когда в последний раз использовал такое небрежное обращение.

Несмотря на нервы, имя легко слетело с его языка.

Мина улыбнулась ему.

"Итак, как давно ты рисуешь?"

"Я начал, когда был совсем маленьким. Кажется, четыре года.

После того, как я впервые увидел "Всемогущего", я стал одержим героями.

Я начал рисовать картинки и писать о них, и со временем у меня получалось лучше и то, и другое".

"У тебя есть еще дневники, верно? Не возражаешь, если я посмотрю один?"

"Конечно".

У Изуку был с собой его последний дневник, так как через час прямо за углом произойдет нападение злодея.

Он только начал, с нескольких записей о Камуи Вудс и Маунт Леди.

Мина усмехнулась, увидев откровенный наряд героини.

"Осторожно, Изу-кун, люди могут подумать, что ты извращенец, если продолжишь рисовать подобные вещи".

Изуку наклонилась вперед, чтобы увидеть изображение, о котором она говорила.

Леди горы наклонилась вперед, приветствуя свою аудиторию и демонстрируя щедрое декольте.

Для увеличения были нарисованы несколько грубых набросков прохожих.

"Ее костюм должен растягиваться во много раз по сравнению с размером, когда она вырастет.

В натуральную величину он может закрывать только столько".

"Держу пари, она делает это нарочно".

"Ну, это, безусловно, привлекло много внимания.

В последнее время я получаю так много заказов для нее".

"Ты выполняешь заказы?"

Мина с озорной улыбкой приподняла брови.

"Ты выполняешь... неприличные заказы?"

Изуку покачал головой.

"Люди предлагали мне много денег, но я никогда не чувствовал себя комфортно с этим.

Я знаю, некоторые герои, такие как Миднайт, говорят, что все в порядке, но это кажется неправильным, как будто я сам раздеваю их и позволяю людям пялиться на них".

"Да, я понимаю, что это было бы странно. Сколько они предложили?"

"Один парень предложил пятьдесят тысяч иен. Большинство платят от пяти до десяти тысяч".

У Миной отвисла челюсть.

"Так много, правда?"

"Это для того, что действительно сложно сделать".

Изуку достал свой телефон и открыл несколько файлов изображений.

"Обычно я делаю их на планшете, так проще делать растушевку и добавлять эффекты".

"Вау, это потрясающе!"

Мина пролистала файлы, восхищаясь каждым из них.

"Ты все это сделал? Сколько времени это заняло?"

"На каждый уходит пара дней.

Мне нужно нарисовать линии, добавить цвета, затем растушевать.

Для правильного растушёвывания требуется много времени".

"Жаль, что я не могу создавать такие красивые рисунки. Все, что я умею,

- это рисовать каракули".

"Чем ты занимаешься для развлечения?"

Спросил Изуку.

"Помимо приглашений на свидания с симпатичными мальчиками?"

Спросила Мина с лукавой улыбкой.

"Мне нравится танцевать".

"Правда? Какого рода танцы?"

"Просто танцую, я думаю. Что бы ни было скучно.

Я умирал от желания попробовать себя в ночном клубе, но мои родители мне не разрешают".

"Разве тебе не обязательно быть двадцатилетним?"

"Да, но как только я съеду, я куплю поддельное удостоверение личности и устрою вечеринку". Мина наклонилась ближе и прошептала: "Ты можешь пойти со мной, если хочешь".

Изуку покачал головой. "Я ценю предложение, но я хочу сосредоточиться на работе героя".

Рожки Мины поникли. "О. Так, значит ли это..."

"Да, я бы предпочла сейчас ни во что не вникать. Извини."

"Нет, все в порядке. Я понимаю". Мина улыбнулась ему и сказала: "Спасибо, что пришел, хотя мне все равно было очень весело".

"И здесь то же самое. Никто никогда раньше не приглашал меня на свидание, так что спасибо, что сделал это. Это было действительно мило с твоей стороны."

"действительно? Никто тобой не интересовался?"

"Ну, я не отличаюсь причудами".

Мина поморщилась. "Ах". - Она легонько ударила его по плечу. "Они все пропустили. Ты просто великолепен."

«спасибо. Ты тоже довольно хороша."

Мина хихикнула и сказала: "Ну, если ты когда-нибудь передумаешь, у тебя есть мой номер. Я не собираюсь ждать вечно, так что не злись на меня, если мне придется отказать тебе, потому что я с кем-то другим".

"Все в порядке. В любом случае, у меня есть несколько идей для твоего героического наряда, который может тебе понравиться."

"действительно? Давайте послушаем".

Открыв свой блокнот 1-А, он показал Мине свой грубый набросок набора перчаток в форме луковицы.

"Я не знаю, я не уверен, что мне нравится, как они выглядят".

"Это можно исправить. Общая идея заключается в том, что вы можете хранить полученную кислоту, чтобы позже выпустить ее всю сразу".

"Нравится то, что делает Бакуго? Я не знаю, кислота может быть довольно опасной. Обычно лучше использовать по чуть-чуть за раз".

"Это может пригодиться в чрезвычайных ситуациях", - сказал Изуку. "Например, если есть много злодеев одновременно или один по-настоящему могущественный. Это также может устранять препятствия. Его было бы сложно использовать среди гражданских лиц и он мог бы нанести серьезный материальный ущерб, поэтому его следует использовать экономно. Тем не менее, я думаю, тебе стоит хотя бы попробовать, посмотрим, что ты думаешь".

"Ну, ты же умный. Если ты считаешь, что я должен, то я так и сделаю".

"Круто. Не могу дождаться, когда увижу это в действии".

"Ты нарисуешь меня, когда я им воспользуюсь, верно? Покажи мне, как это получается".

Он знал, что его никогда не будет рядом на втором свидании, но было приятно осознавать, что ей интересно.

Пока они бегали трусцой под присмотром Айдзавы, Изуку подбежал к Урараке и сказал: "Я заметил, что у тебя проблемы с уменьшением силы тяжести нескольких объектов одновременно".

"А, Мидория-кун. Да, - сказала Урарака между вдохами, - меня тошнит, когда я пробую это.

"Ты пробовал делать предметы немного легче, вместо того, чтобы сводить это на нет? Возможно, тебе будет легче."

"Я никогда об этом не думала. Спасибо! Я попробую".

Изуку мог только догадываться, как это спасло бы ей жизнь, но он знал, что короткий разговор будет иметь значение.